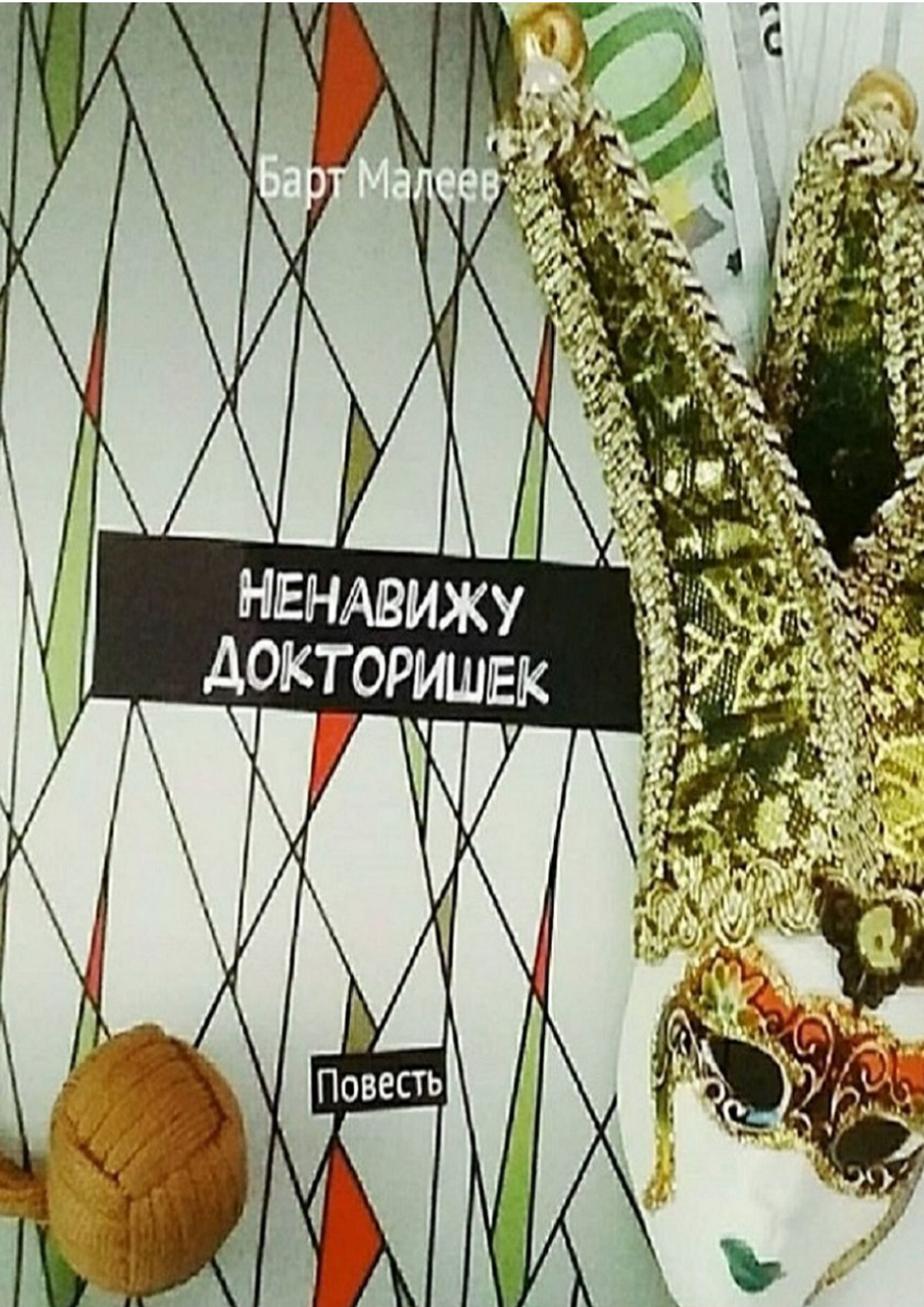

Барт Малеев

НЕНАВИЖУ
ДОКТОРИШЕК

Повесть

Барт Малеев

Ненавижу докторишек. Повесть

«Издательские решения»

Малеев Б.

Ненавижу докторишек. Повесть / Б. Малеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857503-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Ненавижу докторишек» — полное нежной иронии и разухабистого юмора повествование о добром докторе, этаком Дон Кихоте от медицины. В первой части повести — описание приключений самого автора до знакомства с главным героем. А в целом «Ненавижу докторишек» — это настоящий документ человеческой жизни, который по мере развития сюжета превращается в увлекательный роман. В названии многие, вероятно, узнают цитату из фильма «Айболит-66» и мысленно улыбнутся.

ISBN 978-5-44-857503-7

© Малеев Б.

© Издательские решения

Содержание

Ну, поехали...	6
Одесса-Москва	9
Эпизод с приписным свидетельством	13
Москва-Иваново	15
Офтальмология и разочарование	18
И снова Одесса...	21
Госпиталь на Пироговской	25
СМП	27
Прощай Пальмира	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ненавижу докторишек Повесть

Барт Малеев

© Барт Малеев, 2023

ISBN 978-5-4485-7503-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ну, поехали...

Пятница – выпал праздник, поэтому выходной... Лето еще толком не началось. Свежо и без кондиционера. Через окна без занавесей утро навязчиво врывается в спальню. Сна уже настоящего нет. Планшет и телефон показывают половину пятого утра. В будни еще можно час поспать, но не потому, что сладко спится, а потому, что в бассейн идти еще рано. Одним подслеповатым глазиком мутно смотрю в окно и пытаюсь определить пасмурно или солнечно. Тучки бродят туда-сюда без конкретных намерений. Но, наверное, разойдутся.

С бассейном и плаванием вообще – старая история. Идеальный спорт (хотя – какой спорт?! – так разминка...) для плоховидящего интроверта. Не надо ни с кем разговаривать. Бортик не пропустишь, края дорожки тоже. Нагрузки – лошадиные. Плынешь себе, думаешь о стиле: «Так... ладонь вперед, подальше, пальцы лопаткой – потом под грудь и отталкиваешься назад – подальше на уровне бедра. Ноги ровнее, чаще, корпусом не вертеть, головой тоже». Эти мысли на десятом метре перебиваются соображениями о тетках на соседних дорожках. Приблизительно в том направлении – как бы пригласить одну из них в душевую и совоккупиться каким-нибудь полезным способом. Раз уж это место – для укрепления здоровья. Добровольно и без обязательств. Но с благодарностью за такой сюрприз... «Стоп, опять эта лабуда про трах... рука – дальше, корпусом не вертеть, ноги – не червяки... дальний гребок, вдох, бортик, переворот, толчок, выдох в воду», – выплываешь, ускорение ногами. Потом родится активная мысль о работе – отчет, больные, все ли в срок. «Блээт», – сбился в подсчете проплытого расстояния: сколько раз по двадцать пять метров или «бассейнов» другими словами? Напряг.

Тут нужно или вспоминать и анализировать мелкие обстоятельства в связи с уже проплытым. Или просто тупо довериться интуиции, которая ведет автоматический подсчет. Есть ещё способ, замешанный на перфекционизме – от четко зафиксированного в голове пробега, начинаешь вновь плыть, то, что четко в голове не зафиксировалось. Так можно еще сотню метров лишних проплыть. Раньше всегда так делал. Теперь себя жалею. Но не каждый раз. Иногда, все-таки штрафую за невнимательность... Это дополнительная нагрузка и дополнительное утомление¹

Если, например, плыть пятьсот метров, то самый радостный бассейн это восемнадцатый – четыреста пятьдесят метров, после него двадцатый – или пятьсот метров почти не заметен. Легко ускоряешься. Ощущение похожее на счастье....

Или среда. По средам в бассейне – санитарный день. Типа: «Ну, вот сегодня в бассейн не иду. Надо дальше дремать». И это легко не... Ведь подъем в это время, если не нужно идти на треню – бессмысленен. Продолжаешь дремать. И, знаете, – ничего, начинает получаться... Следующий взгляд в планшет и уже 7.00. Теперь можно. Это если рабочий будень. В выходной – мотивация другая. Мысль о тубзике рождается внезапно. Не то чтобы совсем резко, а как-то распирающе, вроде обнаружения растущей гири внизу живота. Раньше это распираение сопровождалось железным стояком. Бывало, плетёшься с бивнем, наперевес торчащим из свободных шелковых, с забавными принтами... Слегка согнувшись... С закрытыми глазами, которые еще боятся света. Перед унитазом пытаешься отогнуть бен от живота. Это мешает отливаться – сдавливаются какие-то клапаны. Струя вялая, приходится пригнуться вместе с беном к унитазу. Это злит и обескураживает. А если пИсать навесом, что легко и приятно, то удельваешь все вокруг. Маменька, помню, даже иногда делала мне физическое замечание. Но это воспоминания давние и раздумчивые. Зрелость утренний стояк выделяет нечасто. Я бы ска-

¹ Теперь, к счастью, для пловцов разработали всякие полезные гаджеты. Например, часы, которые через заданное количество бассейнов (или метров) вибрируют, сообщая об окончании задания.

зал – все реже... Вообще-то, не очень понятно, зачем этот стояк нужен? Для совокуплений он, на мой взгляд, не годится... Пысать хочется намного сильнее. И сама мысль, что этим стояком условная тетка может воспользоваться, чтобы оседлать тебя сверху, и прыгать на переполненном мочевом пузыре, крайне неприятна... Взрослому (сильно взрослому) человеку, я имею в виду. Оральные утехи, сами по себе хороши, но опять же не в такие эпизоды. Что бы там Роял Чиз не советовал!² А теперь...

К слову. Бассейны разные бывают – в каждом свой график работы. Теперь я хожу в такой, который каждый день работает. У меня абонемент – без ограничений по времени и количеству посещений. Нормальненько плаваю каждый день. И по выходным тоже. Но в выхи – стиль более прогулочный. По – будням – все происходит быстрее и интенсивнее.

Возвращаюсь к пробуждению. А теперь, ... семенишь себе босичком или в тапочках, без всякого стояка и рассеяно сикаешь с прогнутой спинкой, жмуря глазки. Красота.

И, кстати, вспомнил про легкую судорогу или непроизвольную дрожь от поясницы до затылка, а иногда и непроизвольное верчение головой в самом конце утреннего отлива. Папа мой умозрительно связывал это с сохранностью потенции. Позже проверю... Какая, все-таки ерунда лезет в голову... Впрочем, как всегда, когда собираешься написать что-нибудь серьезное, нацеленное на результат. М-да, похоже, что отведенный мне запас перфекционизма подходит к концу, и остается только полуэффективная лень...

И все же на ум приходят некоторые события и впечатления, воодушевившие меня создать этот небольшой опус. Во-первых, литературные произведения, чтение которых вызывает не только удовольствие, но и желание создать нечто свое и более соответствующее внутренним потребностям. Много-много разных повестей, романов, рассказов и мемуаров. Об основных, однако, стоит с благодарностью упомянуть.

Стиль – и умение говорить забавно о вещах серьезных – это, безусловно, Кирил Бонфильоли и «Приключения Мордекая». Спасибо нам, что имеется лингвистический перевод Максима Немцова. Очень вкусно написано. Воображение прекрасно создает свою собственную картинку сюжета авантюристического романа. Скажу больше – некоторые их (Бонфильоли и Немцова) речевые обороты настолько удачны, что практически вошли в мою речь и, вполне возможно, будут встречаться на этих страницах. На русском языке – Михаил Любимов с «И Ад следовал за ним...». Об этой повести – вообще можно говорить много, но что касается языка, то также нахожусь под впечатлением уже около тридцати лет. «И Ад...» мне посчастливилось прочитать еще в советском «Огоньке». Выхода очередного номера ожидал с трепетным нетерпением. Еще удивлялся, что кому-то такая детективная прелесть может не нравиться. Серьезность и некоторое занудство – это, пожалуй, от братьев Гонкуров с их «Дневниками», а медицинская зашоренность и беззаветность – Кронин Арчибалд: «Цитадель», «Детство Шеннона», «Путь Шеннона». Физиологические и интимные подробности – Майкл Шейбон – пожалуй, из переводной литературы именно его романы в этом смысле более всего близки мне по духу.

Во-вторых, – сама история доктора Павера. С моей точки зрения, для обычного врача – такое количество событий, находящихся за рамками привычного профессионального жизненного течения, само по себе интересно. А то, что описываемые эпизоды жизни нашего героя, носят во многом скандальный характер, и позволяют рассказывать о вещах заведомо пользующихся популярностью у широкой публики, это создает коктейль из всех необходимых для нормального чтения ингредиентов. А раз так, то было бы глупо не попробовать создать нечто относи-

² Современный хипстерский портал с хохмами и жизненными советами. Большое внимание уделяется межполовым отношениям и сексуальным практикам.

тельно художественное и в тоже время актуальное, раз судьба сама предоставляет возможности для не слишком утомительного творчества.

Одесса-Москва

В институт я поступал с большим трудом. Строго говоря, оканчивая среднюю школу, все еще оставался избалованным, ленивым и самовлюбленным мальчиком.

Школьные уроки были мною активно пропускаемы. Хожению в школу мешали грезы о гламурной жизни, курение под кофе, рассуждения о подробностях кофе из огромной советской кофе-машины, или по-турецки – из джезв,³ мечты об исследованиях в области цыплячьих грудок одноклассниц...

Тестостерон учинял со мной непотребства вроде стеснительного, но обильного гипергидроза и тотальных угрей во все щеки, пребывающих в состоянии перманентного и разнофазового воспаления. И, поскольку подходящего соития не предполагалось, голова моя была забита мыслями о вселенском сексе, как фонтанирующем венце большой и чистой любви ко мне со стороны совершенной Женщины... Носки, помню, ощутило отдавали молодостью, да и с ежедневной сменой сорочек почему-то не заморачивался.

На тренировки в бассейн я ходил, кстати, с удовольствием, но не очень регулярно. Легко соблазнялся походами в кино или просто шатался по городу в компании разных лоботрясов.

Близорукость и ношение очков вызывали во мне почти отчаяние. Красивых оправ не было, линзы имелись тяжелые и толстые – так что хипстерские оптические лицевые украшения, которые стали доступны сейчас, в те веселые времена просто не существовали. Физическая активность, а именно кулачные драки часто приводили к искривлению очков и сидели они на носу, как правило, неровно.

Так, что юношеская дисморфофобия⁴ имела серьезный базис. Но ненависти к себе я никогда не испытывал. Более того, нежная платоническая, и не совсем, самолюбовь была моим кредо и утешением.

Родители меня тоже любили. Ответственной, утомленной любовью. Наверное, я их не очень-то радовал и вызывал беспокойство в том плане, что был не слишком целеустремленным. И скорее всего (они это подозревали) имел подспудное намерение оставаться на их довольствии еще длительное время. А им.., а им хотелось бы пожить еще для себя. У отца были очевидные творческие неопределенные замыслы... Мама любила курорты. Но ведь была еще моя старшая сестрица с регулярными камбеками в отчий дом, и, как правило, с мужьями. В год, когда я должен был оканчивать школу, у сестры родилась дочь. Моя племянница, стало быть. В очередной приход сестры с мужем и младенцем на постой в родительскую трешку⁵, как я сейчас думаю – у меня должна была бы возникнуть идея о самостоятельности.

Но этого не произошло. Не вырослел отрок быстро и все тут. На месте родителей, как теперь принято говорить, стоило бы приуныть.

Идти учиться в медицинский институт – известный одесский фетиш. Первой жертвой этого фетиша в нашей семье пала моя сестрица: шесть безуспешных попыток, учеба в училище мастеров индивидуального пошива одежды, два брака, пересмотр жизненных позиций. Итогом

³ отвратительное слово, по-моему. Турочка – совершенно другое дело – ощущение уюта и гостеприимства

⁴ Дисморфофобия обычно выявляется у лиц, достаточно критически относящихся к своей внешности, несмотря на отсутствие значимых дефектов и на то, что окружающие не придают особой значимости или не замечают «дефекта».

⁵ Типовая квартира в многоэтажном доме, состоящая из трех комнат – двух спален и некоего общего помещения, именуемого – «большая комната», кухни и объединенного санитарного узла. Не так, как в иных странах, где считаются только спальни.

чего стали две попытки поступления на экономический факультет. Одна из них удалась. Причина зачисления (возможно, я и не прав) – жуткая кишечная инфекция у декана факультета и его госпитализация в отделение городской инфекционной больницы, которым заведовала моя маменька. Диарея и деканская благодарность сработали. Институт народного хозяйства, конечно, не медин⁶, но тоже весьма и весьма. Папа был почти счастлив...

Пришла моя очередь поддержать семейное хобби по безвзятчному штурму медицинского ВУЗа. Мы решили не размениваться и поступать сразу в Москву, потому, что одесский мед⁷ наша семья тихо ненавидела. А про Москву мы слышали разные чудеса. Были, конечно, мечты пойти учиться в военно-медицинскую академию, но перспектива службы на подводной лодке испугала папу и он отсоветовал.

Водить детишек по репетиторам – любимый спорт родителей. Оказывается такое распространено не только в Одессе. Москва и Подмосковье тоже не отстают в деле вспомоществования местным педагогам. В силу лени и неусидчивости мне, как и многим другим деткам, пришлось обращаться за репетиторскими услугами. Учился биологии и химии. На занятиях по биологии просто надиктовывались тексты из разных учебников. Я записывал. Считалось, что так материал усваивался лучше, и знания становились более системными. Но отчетливого ощущения углубления биологических познаний не возникало. Да и потом, – репетиторша была неинтересная, и помню я ее не очень чётко.

Химия – другое дело. Учил меня доцент одесского хим-теха⁸. И был он глубоко законспирирован. Для преподавателей высших учебных заведений репетиторство в те времена считалось деятельностью незаконной, так как порождало, так называемые, нетрудовые доходы. Нелепо конечно, и все это понимали. И, тем не менее, опытные и осторожные люди на рожон не лезли и свои побочные заработки не афишировали. Поэтому с моими родителями по финансовым вопросам контактировала доцентова жена, которая будучи отставной школьной учительницей, служила вывеской в этом семейном предприятии, хотя сама занятия не вела. Стало быть, на первом уроке мне был приготовлен сюрприз. Вместо полненькой уютненькой училки, меня встретил высокий седовласый господин jovиальной наружности. Хорошее чувство юмора, приятные манеры отлично мне запомнились.

Препад этот в свое время был скромным, но очевидным представителем «золотой молодежи» и «сынов генеральских». Больше того, продолжал проживать в генеральском доме на Пролетарском бульваре⁹. Этот райончик Одессы так и назывался – «дворянское гнездо на Пролетарском бульваре».

Я не знаю, каким он был в молодости... Но к тому времени, когда родители привлекли Илейта к моему образованию, это был уже седовласый, с хорошей стрижкой, высокий, в дорогих и редких, по тем временам, очках-хамелеонах представитель прослойки¹⁰. У него было хорошее чувство юмора, легкие манеры, и умение слегка прищуривать глаза предваряя или заменяя добродушную улыбку. Эту штуку я у него невольно перенял. Учиться было весело. Тем более, что он не возражал против перекуров и угощал кофе с плюшками. А то, что он не важничал, было для меня особенно приятно. Мне нравилось у него учиться. И периодически Илейт напоминал, что это действительно учеба, а не дружеские встречи... Приходилось вновь

⁶ Медицинский институт.

⁷ Тоже медицинский институт.

⁸ Одесский химико-технологический институт пищевой промышленности

⁹ Ныне и много раньше – Французский. Тот самый, который весь в цвету, как пелось в популярной песенке про Костюморяка и всю Одессу.

¹⁰ Советская классовая теория построения общества подразумевала два класса – рабочих и крестьян и прослойку – советскую интеллигенцию.

сосредотачиваться на химических тонкостях. Еще он был счастливым владельцем довольно свежего и шустрого белого Москвича 2140, что конечно, приподнимало его в моих глазах.

В итоге, к экзамену он меня подготовил, но не для Москвы, как потом выяснилось. В химии, я, конечно, приподнялся, щелкал уравнения электронно-йонным балансом и методом полуреакций, как орешки. Эти знания, потом целый год на первом курсе мединститута помогали вполне уверенно себя чувствовать.. Физ-химия, органика и пр.

Но сначала, я сдал экзамен по химии в школе. На «отлично», но, по мнению школьной учительницы, недостаточно хорошо для медицинского ВУЗА. (Ох, Вика – Вика – ты убыла в Землю Обетованную, где возобновила свой диплом медсестры и больше к школьной химии не возвращалась...) ¹¹.

Доцент так не считал, и в начале июля я с папой отправился покорять Москву. Не знаю, действительно ли папа настолько сильно в меня верил или это было проявлением его перманентного максимализма, но мы выбрали для поступления лечебный факультет Первого московского медицинского института имени И. М. Сеченова. Ограниченное количество мест вкупе с апломбом элитарного учебного заведения создавали ауру необычайной притягательности для любящих родителей и амбициозных недорослей. Поэтому сюда стремились многие юные и не очень мечтатели от медицины, со всех краев необъятного Советского Союза.

Специально для отсева избыточных покорителей столиц тогда существовала довольно сложная система конкурсов, участие в которых зависело от многих факторов... В итоге, в своей категории иногородних выпускников школы без льгот и официальных направлений я, на момент начала экзаменов, оказался в конкурсе более пятидесяти человек на одно место. Меня охватила паника, избыток ответственности не уместился в мозгу. Я вообще любил попереживать. Кстати, жилье в период сдачи вступительных экзаменов мы снимали – комнату в квартире москвича-алкоголика, который помимо довольно нехилой основной суммы, регулярно пытался взять с нас денег еще и в долг. Забавно, но «первый мед» первокурсников местами в кампусах не обеспечивал. И даже это обстоятельство не отвратило нас от попыток туда поступить. Был ли у папы план по тому, где мне жить в случае зачисления – неизвестно. Москва тех времен не была столь гостеприимна, как ныне.

Около приёмной комиссии роились местные репетиторы-хищники, и один из них смог меня убедить в недостаточности имеющихся знаний. Я пару дней до экзамена ходил к нему на занятия, где также присутствовали и оставляли родительские денежки другие абитуриенты. Моя стройная и, возможно, хрупкая система знаний была испытана и, в целом, все казалось не таким уж безнадежным делом. Но экзамен я не сдал. По очень досадной причине – не знал, или не вспомнил, что означает фраза «в кислой среде». И поэтому уравнение в отсутствие серной кислоты у меня не уравнивалось. Вот такая незадача.

Что и говорить, папа был очень расстроен, но упреков не последовало. Собрав волю в кулак, папа направился с деморализованным мною на нашу съемную квартиру для обсуждения вопроса о передаче документов в другой – не московский медицинский ВУЗ. Видите ли, тогда приемные экзамены в столичные ВУЗЫ проходили на месяц раньше, чем в остальные. Таким образом, в одну вступительную кампанию неудачники могли попытаться счастья второй

¹¹ Это был период активного исхода советских евреев. Официально все ехали в Израиль, но наиболее шустрые из австрийского перевалочного пункта доезжали до США и Канады. Некоторые оставались в Европе. До Израиля добирались самые идейные, или нетребовательные. Устроиться работать по специальности было очень трудно, и многие меняли свою сферу деятельности.

раз, но уже в менее престижном институте. И целый вечер мы с папой решали – куда же нам ехать дальше.

В то посещение столицы я всем сердцем полюбил вышесредний московский общепит. Кафе «На Остоженке», как сублимация бессознательного, все еще сидит в моей голове и вызывает картинку из прошлого. Мы с папой подходим к массивным дверям и вступаем в ознакомительную беседу со швейцаром – огромным, седым, благодушным, в ливрее: «А, что, уважаемый, здесь у вас по поводу обеда?»

– Милости прошу, отведайте наших яств.

– Спасибо. Но ведь народ толпится у дверей пельменной неподалеку..., а не здесь!

– Ну, что Вам сказать? Навряд ли те пельмешки так уж хороши... Скорее..., ... народ не совсем тот...

Эпизод с приписным свидетельством

Все вьюноши-старшеклассники в советские времена рассматривались, как будущие солдаты срочной службы (мало, что поменялось в этом смысле, не правда ли?). И по этой причине, к окончанию средней общеобразовательной школы мальчики снабжались невзрачным сереньким документом на четырех страничках – «приписное свидетельство». В нем должна была быть сделана отметка о прохождении медицинской комиссии и приписке к тому или иному роду войск. Документ плотно усиживался оттисками печатей районного военкомата и являлся довольно критичным с точки зрения подачи документов в приемную комиссию ВУЗА. У меня такое свидетельство было. Но там, где должна была быть указана статья приказа об ограниченной годности к воинской службе, были напечатлены простым карандашом четыре загадочных буквы – НГНС. Это выяснилось в полутора тысячах километров от моего районного военкомата в приемной комиссии 1 ММИ. Естественно документы у меня не приняли. Это был шок. Мы с папой просто оторопели. Но, ... и это всякий раз меня восхищает, папочка не дрогнул, а начал действовать. Во-первых, мы позвонили домой, рассказали об этой ситуации моей сестрице Елене и поручили ей лететь в домашний военкомат и заверенной телеграммой из моего личного дела делать выписку. Второе – отец отвел меня в ближайший московский военкомат, где я прошел новую медицинскую комиссию. Вот так в моем одесском приписном свидетельстве образовалась правильная запись, заверенная печатью московского военкомата. Кстати, порядка в московском РВК¹² было больше: ко мне обращались «призывник», были со мной по-военному строги, и мне это не нравилось.

На самом деле – это потрясающе, что в суперзабюрократическом государстве, каким представляется СССР, такое стало возможным. Вечером этого же дня приемная комиссия получила «до востребования» заверенную телеграмму с выпиской из моего личного дела. Лена потом рассказывала, что добиться отправки этой телеграммы было совсем непросто. Начальник отделения наотрез отказывался, кому бы то ни было телеграфировать, и Лене пришлось идти со слезами и угрозами давить на районного военкома. Тот приказал телеграмму отправить. На следующий день мы с отцом предъявили правильно оформленное приписное свидетельство. Оно было представлено председателю комиссии, и тот здраво рассудив, что шансов на зачисление у паренька без льгот, из другого города немного, решил документы принять.

Для меня такой расклад до сих пор кажется фантастическим. По всем писаным и неписаным правилам, документы у нас не должны были принимать. Что здесь сработало – родительская ли солидарность начальника московского военкомата, или офицерская солидарность – отец мой – капитан второго ранга в запасе? Неизвестно. Но, правильное приписное свидетельство у меня появилось, как по волшебству. И оно было принято. А ведь приемная комиссия могла заартачиться. Не та печать..., не тот военкомат. Допускаю, что решающим фактором послужило нежелание связываться с такими пробивными людьми, как мой папочка. Раз он смог сделать сыну военный документ в другом городе, – значит, этот человек не прост, совсем не прост...

Не буду интриговать и раскрою страшную тайну. НГНС – означает – не годен к несению службы. Это выяснил папа, когда пошел в одесский военкомат и на сленге старших офицеров, который также являлся нормальным разговорным языком партийных руководителей средней руки того времени, мягко попенял начальнику первого отделения. Ведь майор этот неправильно оформил мои документы.

¹² Районный военный комиссариат

Хе-хе, сейчас вспомнил... В Москве в первом военкомате нам-таки отказали – мы случайно зашли в военкомат (отдельный) для офицерского состава. Там дежурным был мордастый капитан интеллигентного вида в очках. Но при этом в сапогах (это в Москве-то) и португее. Меня такой изысканный военно-бюрократический камуфляж слегка позабавил. Когда мы с папенькой к нему обратились с нашей проблемой, тов.¹³ капитан так напрягся, что даже дар речи потерял. И твердил все: «Мы не можем, мы не можем такое...». Ну конечно, капитан в офицерском военкомате в центре Москвы и в самом деле не может быть настолько глупым, чтобы подвергаться риску вылететь с завидного места службы в столь юном звании. Тем более, из-за душевного движения в виде помощи призывнику. Мы его поняли. И не обиделись.

¹³ Товарищ. Форма обращения.

Москва-Иваново

Куда же рвануть после неудачи в Москве? Почему-то варианта осталось всего два – медфакультет Петрозаводского университета и Ивановский госмединститут. В конечном итоге судьба сделала выбор за нас. Авиа- и железнодорожных билетов в Петрозаводск не оказалось, а вот билеты на автобус в Иваново папа раздобыть смог.

Надо сказать, что транспортная проблема в тогдашней Москве была очевидной. Щелковский автовокзал – это и сейчас не есть украшение столицы (уже снесли старое бетонное здание – говорят, построят новое-красивое), а тогда в конце 80-х годов 20 века и подавно! Бетонная коробка, облепленная причалившими, и просто хаотично стоящими вокруг, чадящими Икарусами и ЛАЗами¹⁴. Кругом окурки и грязь. Толпы мятущихся пассажиров, лето, жара, запах... Для меня еще долго образцом самого грязного и необустроенного общественного клонзета оставался тубзик именно на Щелковском автовокзале тех веселых времен. Это, к слову.

Эпическая очередь в билетную кассу вызывала уныние. И я даже занял место в ее хвосте. Но мой великолепный папа обошел кассу-будочку с тыла и обнаружил запасное окошко... Вдохновенные переговоры, и он получил необходимые нам билеты на ближайший автобус в Иваново за обещание принести шоколадку. Мы ринулись на поиски шоколадки. Но в Москве шоколад, в отличие от Одессы, оказался недоступен. Зато мы нашли упакованные лимоны – кассирша не возражала.

Ныне периодически перемещаясь в трансферных комфортабельных, чистых, кондиционированных автобусах между гостиницами и аэровокзалами, уже нет того бодрящего ощущения повсеместной липкой грязи и вони от перекаленного машинного масла со сгоревшей соляной. А тогда... Мы ехали шесть или восемь часов. Самый задний несегрегированный диванчик, мартеповская жара от ревушего за спиной дизеля и острое желание разогнуть спину и шею¹⁵. Тогда я не представлял себе географическое соотношение и масштаб расстояний между Москвой и Иваново. Возможно, мы делали остановки, должны были остановиться в Покрове, Владимире и Суздале. Запомнилось не это, а то, что рядом с нами ехали какие-то молодые люди; парень и женщина. Парень всю дорогу проспал, положив голову на колени женщины, и она ласково гладила его. Зависть. И кроме этого, сей бычок ивановский был одет во что-то такое, что больше всего напоминало плотный хирургический костюм – блузу и штаны выцветшего зеленого цвета. Мне почему-то это показалось хорошим предзнаменованием.

В ИГМИ¹⁶ я поступил с запасом. Но вновь случился косяк при подаче документов в приемную комиссию. Дотошные тетki из приемной комиссии обратили внимание на то, что комсомольская характеристика¹⁷ (да-да, тогда требовался и такой рукописный документ) не была подписана комсоргом¹⁸ то ли класса, то ли школы. Отказались принимать документы. На этот

¹⁴ Икарус – популярный автобус венгерского производства. ЛАЗ – изделие Львовского автобусного завода. И тот и другой – не есть (по современному понятиям) достойное транспортное средство.

¹⁵ задние диваны в автобусах и сейчас не имеют откидывающейся спинки, но при этом сама форма спинки автобусных кресел не позволяет распрямить затекшую шею. Затылочный упор спинки загнут вперед. Видимо – профилактика травмы шейного отдела позвоночника при ударе в автобус сзади. В случае ДТП. В обычной ситуации такие кресла крайне неудобны.

¹⁶ Ивановский государственный медицинский институт им. А. С. Бубнова.

¹⁷ Все старшие школьники были членами молодежной общественно-политической организации – комсомол или ВЛКСМ (всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи).

¹⁸ Функционер низшего уровня от комсомола

раз папа не выдержал и слегка на меня наехал. Я что-то такое сдержил... Обратился к председателю приемной комиссии. Председатель внешне был похож на возрастного чертика (лысоватый, с худым глумливым лицом и смеющимися глазами) – прочитал характеристику и сказал следующее: «Эта бумага, вроде бы, должна быть подписана черной пастой...!?!». Что и было проделано вечером за письменным столом гостиничного номера. Утром следующего дня документы у меня приняли.

Экзамены я сдал, переплюнув проходной балл на два. По химии, кстати, получил пятерку. Вернулись в Одессу, не дождавшись приказа о зачислении. Надоели гостиницы. Папе. А мне надоело абитуриентское расселение в кампусе института с другими отроками, которые в отличие от московских, были не такими рафинированными... Вполне себе откровенно матерились и открыто желали остальным провалиться ко всем чертям и не создавать конкурентную ситуацию.

Позже из института мне прислали телеграмму: «*Поступили, 1 сентября – колхоз. С собой сапоги и теплые вещи*». Так, что прямо из Одессы, (на самом деле на самолетике АН 24 рейсом Одесса-Киев-Брянск-Иваново с часовыми стоянками в промежуточных аэропортах) через полмесяца с толпой первокурсников педиатрического факультета ИГМИ я отправился на осенние сельскохозяйственные работы¹⁹.

В институте учился прилежно. И вся институтская жизнь для меня – практически однородная череда учебных дней, зачетов и экзаменов. Было, конечно, несколько запоминающихся эпизодов. О них напишу поподробнее. Постле.

Где-то в это время папа мне подарил, вышедшую, тогда большим тиражом в СССР, книгу Дейла Карнеги «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей». Результатом многократного прочтения стало то, что изложенные в книге простецкие идеи органично прижились на благодатной почве моего пытливого сознания. Я старался действительно быть милым, неконфликтным, обязательным и пр. пр. пр. Во многом такие поведенческие усилия были мне весьма полезны. Потому, что изначально я оказался наделён довольно скверным нравом – спорщик, задавака, хвастун и лжец-лжец... При этом, во мне была очень выраженная черта – неуступчивость и беззаветность. То есть в мою голову не приходила идея хоть немного уступить свои позиции ни в споре, ни в чем другом... Даже, если моя ошибка была очевидной. Хитрость также не являлась моей сильной стороной. Ментально, конечно, пытался просчитывать незамысловатую и финально безуспешную интригу... Но значительно чаще затевал скандал... Или драку... Короче, приближался к носительству черт, которые сейчас принято называть «темной триадой». В версии light. Под ней понимаются три черты личности: нарциссизм, макиавеллизм и психопатия. Нарциссизм характеризуется манией величия, гордостью, самолюбленностью и отсутствием эмпатии. Макиавеллизм включает в себя манипуляцию, циничное пренебрежение нравственностью, сосредоточение на собственных интересах и лживость. Главными особенностями психопатии являются асоциальное поведение, импульсивность, эгоизм, бессердечность и беспощадность... Так мне хотелось воспринимать себя тогда... Вьюноши мечтают о нерациональной брутальности.

Ну, вот..., впитав идеи Карнеги, я возомнил, что стал обладателем истинного знания манипулирования людьми и принялся использовать это знание на практике. Вне конфликтов или

¹⁹ Обязательное мероприятие – студенты первых трех курсов всех ВУЗов страны в течение сентября работали в сельском хозяйстве. Учебные планы концентрировались, и поэтому приходилось учиться по субботам. Равнины, должно быть, были против.

сложных условий мне удавалось подстраиваться под собеседника – обычно это был преподаватель. Удавалось более-не-менее умно льстить и пр. Но вот в ситуациях, когда обстановка менялась быстро, мои «леопардовые пятнышки» давали себя знать. Я отвечал дерзко, умно, обидно и довольно зло. И это вызывало первую негативную реакцию или интерес. Затем во мне просыпался ученик Карнеги: «Э, братец, так ведь не продашь ни одного пылесоса...», пытался «включить заднюю», как бы эмоционально снижал и даже несколько заискивал. На контрасте это вызывало раздражение и некоторое пренебрежение. Эффект от такого общения получался довольно удручающий.

Так и жил. Жизненный опыт копился чрезвычайно медленно, но, в целом, Карнеги, стал побеждать. И я потом лишь изредка включал «темную триаду». Хотя она, как мне сейчас кажется, при правильном применении, могла бы стать не менее полезной. Во всяком случае, если бы кто-то мне слегка и доходчиво покритиковал бы старика Дейла, я был бы ему благодарен.

На текущий момент мне представляется, что Дейл применим в ситуациях социального контакта с более старшими по социальному положению мужчинами и, иногда, женщинами – начальницами. Но на одной планке, и особенно с тетками – «темная триада» более предпочтительна. Потому, что без нее ты выглядишь почти, как профессиональный шахнострадаец (сгенерировал новое слово, используя терминологию Шейбона (Шалев тоже – молодец)²⁰). Здесь, как бы напрашивается небольшое ответвление русла моего неспешного повествования в сторону MGTOW²¹. Но это тоже постле, если какие-нибудь постли наступят...

²⁰ Майкл-Шейбон Майкл Шейбон (англ. Michael Chabon; 24 мая 1963, Вашингтон) – американский писатель и кино-сценарист. В романе «Лунный свет» использовал термин – «шахна». Меир Шалев – израильский писатель. Изобрел слово «памушка» – женский половой орган.

²¹ Men going their own way. Многие мужчины-натуралы этим увлекаются. Одни- больше, другие – меньше. Общественное движение слегка сродни антифеминизму.

Офтальмология и разочарование

На четвертом курсе у меня возник роман с глазной микрохирургией и офтальмологией вообще. То ли это была сублимация чувств подслеповатого очкарика. То ли – замороженность рукоделием офтальмохирургов. Но я всерьез увлекся офтальмологией и начал заниматься в студенческом научном кружке при кафедре офтальмологии. На самом деле, я был единственный студент в этом кружке. Занимался работой в канве исследования сосудистой или гидродинамической теории глаукомы²². Проводил исследования с помощью реоофтальмографа. По-советски крупный такой аппарат, который записывал изменения электрического сопротивления в сосудистой оболочке глаза у больных глаукомой. Дважды довольно удачно выступал на финальных студенческих конференциях. Много читал по микрохирургии глаза и прочее. Собрал небольшую, но вполне адекватную офтальмологическую библиотеку. И пребывая в прекрасном состоянии (напрашивается сравнение с профессором Плейшнером в Берне²³), всерьез рассчитывал продолжить обучение на кафедре глазных болезней в клинической ординатуре.

Не срослось. До сих пор не знаю точно, почему мне отказали. Варианта – три: первый и официальный – на момент зачисления в клиническую ординатуру я был гражданином только, что образовавшейся Украины, и в России, якобы учиться не мог. Хотя паспорт у меня был советский. Вторая причина – от меня отказалась кафедра, так как существует неписаное правило – сильно близоруких в офтальмологи не брать. И третья причина – блокада моей кандидатуры со стороны деканата факультета в качестве маленькой мести за отказ в написании статьи для институтской газеты об участии во встрече студентов ВУЗов с Президентом РФ Б. Н. Ельциным...

Это было странная поездка. Добирались очень плохо – денег пришлось занимать. По сути – в Москве, куда я в числе четырех сокурсников был командирован, состоялся концерт для студентов, он же – элемент предвыборной агитации. Ельцин сказал нам три слова и представил сцену народным артистам (не из-за песен народностей, а популярным). Моя юная гневливая душа политически активного студента выдала эмоцию негодования и чувство обманутых ожиданий. А главное было обидно за пережитые дискомфорт и разочарование. Москва начала 90-х годов отнюдь не самое уютное место... Зимняя слякоть и переполненные троллейбусы. Безыдейные хохмы сатириков на сцене. Все это – коктейль неаппетитный. Возвращались в Иваново (триста километров от Москвы) общественным транспортом, так как выделенный нам микроавтобус, скоростижно умер. Наверное, от удивления, что такой металлолом могут отправить на встречу с президентом.

В это время я серьезно готовился к выступлению на студенческой научной конференции, и написать серьезную статью с восторгами по поводу нелепой предвыборной встречи кандидата в Президенты со студентами не мог. Или убедил себя в том, что не мог. В разговоре с замдекана

²² Существовало две теории развития глаукомы – одна гидродинамическая – считала, что внутриглазное давление первично повышается из-за нарушения баланса выработки и поглощения внутриглазной жидкости. Сосудистая теория предполагала первичность нарушения микроциркуляции крови в глазу.

²³ Персонаж культового шпионского романа Ю. Семенова и сериала «Семнадцать мгновений весны» реж. Т. Лиознова. Плейшнер – добродушный, запуганный фашистскими лагерями профессор-историк, выбравшийся в нейтральную благополучную Швейцарию, где совершенно расслабился и забыл о правилах конспирации. Будучи заблокированным гестаповцами, был вынужден принять яд и, для надежности, вывалился из окна на мостовую.

факультета, который предложил такую статью написать, я все это красочно описал. И думать забыл обо всех статьях, которые меня вообще могли попросить написать... Больше деканат меня не беспокоил.

Ну, вот, стало быть, идет финальная подготовка к студенческой конференции, я на сцене среди прочих докладчиков размещаю свои таблички, экранчики и пр. стенды. Боковым, нескоррегированным оптическими средствами зрением расплывчато замечаю, что ко мне из партера аудитории тянется доброжелательная рука замдекана... Воспоследовало наигранно-демократичное рукопожатие доцента кафедры и студента-выпускника.

– Ну что, Барт статью надо отдать в редакцию. Сегодня... – (у меня через полчаса выступление с докладом о полугодовом исследовании). Я обомлел и вопросительно-негодующе затрепетал на доцента бровями и ресницами. Подозреваю, что и очки мои запотели от возмущения.

– Тит Титыч... (условное имя, как правильно на самом деле сейчас уже не вспомню), – Не могу, не написал, я ведь предупреждал... научный поиск и связанные с этим переживания... Какой президент, раз я – Молодой Ученый? И потом, нас ездило четверо... Все обучены грамоте, смею заметить. И по наблюдениям, бегло изъясняются русским языком, – начал нагло остроить, в надежде отшутиться. Лицо ЗД посуровело. Хорошо еще, что не уронил свинцово: «ИТАК???»

– Не-не-не, нереально, стресс юного исследователя... вынужден отказаться... и это окончательно.

– О-хоа?!,

Позже, на лингвистических курсах меня научили графически изображать падение интонации. Доцент, ментально и эмоционально устранился и вышел из зоны доверия.

Повисла небольшая пауза, так – мгновение... Кругом шли приготовления к конференции. Время схлопнулось., как пишут в фантастических романах...

Я, полагая беседу законченной, и со свойственной молодости наглостью, протянул руку для прощального рукопожатия... Получилось несколько сверху-вниз. Доцент иронично (видимо в этот момент зародилось чувство мести) и раздумчиво посмотрел из партера в мои откровенные очи... Но на рукопожатие корректно ответил...

Забавно, но тогда я этому эпизоду не придал значения.

Сдав государственные выпускные экзамены, в отделе клинической ординатуры и аспирантуры попытался выяснить порядок зачисления. Но тамошняя мышка помотыляв по рабочему столу свои бумажки сказала мне, что: «Таких в списках, зачисленных в ординатуру не значицо». В озадаченном состоянии я пошел на прием к декану, где он с неторопливостью распределителя стартовых жизненных позиций сжато изложил мне мнение деканата по поводу моего дальнейшего обучения на кафедре глазных болезней. Негражданин. Не возможно. Очень, очень жаль. Такой хороший студент. И учился почти отлично. И вот надо же... Ну, ничего не поделаешь... Хе-хе, всех благ, может свидимся еще...

Как-то так юность начинает расставаться с иллюзиями.

Пару дней с наслаждением упивался горем. Потом поехал на кафедру и попросил профессора написать рекомендательное письмо директору одесского НИИ глазных болезней им. В. П. Филатова. Профессор самолично напечатал на пишущей машинке такое письмо, пожелал мне всех благ. Будучи человеком резким и довольно прямолинейным, он не стал вербально шарахаться по кустам преподавательских напутствий и рекомендаций. Писать письма с рассказами о своей офтальмологической карьере, тоже не просил.

Несколько дней ушло на оформление документов. Подписав все необходимые обходные листы, получил в отделе кадров института диплом. И начал раздавать и продавать скудное студенческое барахлишко. Среди прочего продал свой любимый электрический органчик. И выполненные по индивидуальному заказу шикарные красные десятикилограммовые ган-

тели. А вот здоровенную ручную мясорубку почему-то решил оставить и отправил ее почтой в Одессу. Когда папа открыл посылку и обнаружил там это металлическое изделие, с ним произошла легкая смехотравма. Ну как же... мясорубка – это ценно, символ студенческой жизни с которым трудно расстаться²⁴.

²⁴ Артур К. Дойл и прочие английские авторы часто детализируют этот материальный элемент воспоминаний о студенчестве: гребные весла, рапиры, теннисные ракетки, боксерские перчатки, кубки...

И снова Одесса...

Вернувшись в Одессу, я попытался устроиться на работу в отделение микрохирургии глаза больницы Одесской железной дороги. Это место возникло неспроста. Главный врач оттуда, в свое время написал мне рекомендательное письмо в клиническую ординатуру. Мы с папой к нему зашли, и он как-то легко принял меня на работу. А вот заведующая отделением, огромная толстуха с повадками капризной барышни, заартачилась и всяко сопротивлялась моему окончательному трудоустройству. К этому времени у меня уже сформировался очевидный негатив к отделениям глазных болезней. Мелкая работа – мелкие повадки. Сформулировал максимум для себя. И ушел. По этой же причине я так и не воспользовался рекомендательным письмом в институт им. Филатова, которое мне дал профессор из Иванова.

Чуть позже, опять же с помощью папочки, мне удалось устроиться хирургом в военную поликлинику Одесского гарнизона. Хирургом. Это же совсем другое дело. Нормальные военные хирурги, веселые и прямые, как луч лазера.

Вот, где было раздолье – огромные приемы – военные строители с вонючими подмозольными абсцессами, военные пенсионеры с геморроем, хлыщеватые штабные подполковники с редкими болезнями.

Заведовал (по военному – начальник) хирургическим отделением в поликлинике бывший москвич с задорной эспаньолкой и, как было принято в то время, среди военных врачей – простодушно предприимчивый. Работы было много, а жалованья явно не хватало. Приходилось придумывать всякие интересные методики для зарабатывания. Ну, например – придумал способ депиляции – тоненькие мандрены от многообразных инъекционных игл аккуратненько устанавливал в волосяной фолликул. Барышням с избыточными волосиками во всяких местах. А затем касался этих проволочек электрическим коагулятором. Фолликул внутри кожи выпаривался, волосок выпадал и больше не рос. Дамы, что называется, были довольны, не взирая, на кропотливость, болезненность и длительность процедуры. Некоторый доход депиляция приносила, а вот удовлетворения хирургических амбиций – нет. Я слегка стыдился такой деятельности. И довольно быстро ее свернул. Начал дежурить волонтером в окружном госпитале.

Еще.., в поликлинике я начал работать на компьютере (тогда это было в диковинку – постсоветские страны только начинали обростать оргтехникой) печатал инвалидские направления для бойцов, которых нужно было освобождать от службы, и военным пенсионерам для получения дополнительных льгот.

Но самая прелесть была в том, что на этом компьютере была установлена игрушка «самолет F16» – один из первых относительно удачных авиасимуляторов. С увлечением отыскивал в компьютерных морях черное пятно подводной лодки и настойчиво долбил по нему из доступного оружия. Иногда заигрывался, и тогда начальник организовывал китайскую ничью – выключал компьютер кнопкой. Было обидно. Но, во-первых, такое он проворачивал, лишь тогда, когда я играл во время обеда, а это святое. Во-вторых, на самом деле китайская ничья была организована всего один раз, – я перестал наглеть, и играл лишь изредка.

Кстати, про обеды – это шикарное действо. Им заправляла старшая сестра отделения – она заботливо накрывала на стол, подавала разогретые в сухожаровом шкафу бутеры и прочую снедь. Которую мы с собой приносили. Обычно выпивали. И мне казалось, что так и должно быть в нормальных хирургических коллективах. Ошибочка.

Но тогда и порядки в здравоохранении были попроще – отношение больных к лёгкому алкогольному аромату, исходящему от хирурга, было довольно спокойным. Одесса начала 90-х вообще была алкоголизированным городом. Не пили только сильно больные люди. Прочие же вполне себе со вкусом выпивали и закусывали. Бутылка считалась обычным подношением врачу, и вообще была своего рода валютой при выстраивании отношений между людьми, кото-

рые по рангу брать очевидные взятки деньгами регулярно не могли. Возникало сильное ощущение, что те бутылки с алкоголем, которые мне приносили и, которые я кому-то отдавал в знак благодарности за что-либо, потом ко мне возвращались с очередной благодарностью. Если я такую бутылку сильно подозревал в некой замкнутой циркуляции, то обычно приговаривал ее к распитию. Из соображений умеренного суеверия.

Итак, в начале своей карьеры я был критично поглощен лечебной работой – увлеченно лечил глубокие гнойники на мозолистых лапах военных строителей, последствия неудачных попыток пересечения вен на предплечьях тонкодушных новобранцев, разную мелкую травму и конечно стариковские болячки военных пенсионеров. Заведующий отделением видя мое желание заниматься хирургией, организовал мне знакомство с ведущим хирургом госпиталя, и я стал – дежурантом. Все это было вновь и очень интересно.

Госпиталь был большой, клинический с опытными врачами – подавляющее большинство из которых прошли обучение на первом факультете ВмедА²⁵ и имели опыт работы в группе советских войск в ГДР. Так и продолжалось – чуть больше года.

При госпитале было военное учебное заведение – интернатура медсостава ОдВо. Меня туда приняли на обучение, и спустя положенный год обучения, сдав довольно принципиальный экзамен, я стал хирургом с дипломом.

Мой учебный план предусматривал работу во всех хирургических отделениях госпиталя и на кафедре топографической анатомии одесского мединститута, и это было не просто знакомство, а довольно полноценная работа и учеба. Традиции советского военного здравоохранения и наставничество были крепко вколочены в мозги моих учителей, и они очень ответственно относились к моему хирургическому образованию – рассказывали, объясняли, советовали и предоставляли литературу. Особенно мне запомнилось отделение нейрохирургии, в котором служили – два татарина и один грек. Так вот, грек меня постоянно подкалывал и иногда отвечал на мои вопросы. А татаре – действующий и бывший начальники отделения – спуску не давали – устраивали зубрежку с проверкой по топической диагностике поражения нервной системы²⁶, учили правильно осматривать больных при поступлении на лечение, постоянно брали с собой на операции, и вообще возились со мной. Я даже маленькую научную работу подготовил за время цикла по нейрохирургии – сравнительная ценность рутинной пневмомедуллографии²⁷ и, новомодной на тот период, компьютерной томографии для диагностики грыж позвоночного диска с прицелом на объем необходимой операции. Очень хорошо ко мне относились в отделениях травматологии и хирургической инфекции.

Ну вот, закончил, я интернатуру, сдал экзамен, отбрыкался от окружного кадровика, который хотел меня спеленать в медсанбат в какую-то часть под Одессой. Запомнилась реплика главного хирурга: «Не надо ему в Чабанку²⁸». Ну, не надо – и не надо. Пошел к нему на прием.

Главный хирург Одесского военного округа полковник медицинской службы Груф. Это был такой седенький, прокуренный, грубоватый дядька. В очках. Больше всего он мне напоминал волка-папаню из советского мультика про Волка, который вырастил здоровенного быка

²⁵ Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова – ведущая военная медицинская образовательная и научная организация

²⁶ Речь идет о широко известном учебнике Триумфова А. В. по топической диагностике. Для немедиков поясню, что в этом учебнике описывается, как по симптомам и проверочным тестам определить зону поражения головного или спинного мозга.

²⁷ Рентгеновский метод исследования, при котором визуализируется спинной мозг. Технологически сложный и болезненный для пациента.

²⁸ село под Одессой, где располагалась полноценная мотострелковая дивизия

из похищенного теленка²⁹. Даже интонации и тембр голоса у него были такими же. Пришел и попросился на работу в госпиталь.

– Ожен Иоанович, сердцем всем возжелал я посвятить себя хирургии в стенах славного одесского госпиталя!!!

– Хе-хм, надо поработать на обеспечении операционной – заодно и поучишься еще!!!. Давай сюда свой коньяк и иди, пиши заявление на имя начальника госпиталя. Я на нем резолюцию поставлю.

Он меня рекомендовал на работу начальником (или заведующим?) операционным отделением. Это было в конце лета. Стало быть я хотел упорхнуть. От слова мотылек. Из гарнизонной поликлиники в смысле... А по мнению Лаврентия Бритенау – от слова порхатый³⁰. Такое мое стремительное раскукливание не устраивало поликлинику – лето догорало и работать было некому. Моя попытка перемещения с галер была воспринята оппозиционно.

Лаврентий Бритенау – это, стало быть, начальник поликлиники (высокий лысеющий организатор и тактик медицинской службы с печальным взглядом) уперся и начал бубнить, что, если я не отработаю лето, пока основные хирурги в отпуске, то он не даст мне хорошей рекомендации... Это конечно была ересь, но я прислушался. И с молодой запальчивостью начал верещать про разрушение моей стремительной хирургической карьеры. Говорил я все это быстро и довольно мерзким фальцетом (яду мне, яду...). Окружающие улыбались.

Тевтонец, поняв, что перехватил инициативу, начал надо мной, шутя, слегка глумиться...: – Барт ибн Малей, а что это Вы (в Гашековском контексте)³¹ вдруг по-китайски заговорили, можно сказать защебетали...??? Хо-хо. Оно же – хе-хе...

Я закусил удила и продолжил верещать. Лаврентий, послушал мой пафосный бугурт, добродушно хмыкнул и по прямой связи, в манере крупного демократичного босса коллегиально договорился с Груфом, что обещанную мне должность подержат до начала осени.

Вернулся на прием. Тянуть амбулаторную хирургическую лямку (идиосинкрестический вербальный образ) совместно с санитарно неблагополучным, очень престарелым военнопольвым хирургом в глубокой отставке. Жизненная философия этого сенсея на том (вероятно завершающем, в глобальном смысле) этапе сводилась к следующему: «Если есть халат – то брюки застегивать необязательно». Сам он легко обнаруживался по запаху.

Ничего – принял... Дед был не только пахучим и неопрятным, но и по-стариковски ленивым. Все время куда-то ушаркивал и потом с глумливой улыбкой на полных гипоксически синюшных губах, трясая сальными космами, отпускал армейские шуточки. Притча о майоре, поиске женского полового органа и втором характерном щелчке³² ему удавалась особенно.

У него были отношения с терапевтшей, ... дамой приблизительно его возраста и кондиции. Ну как отношения... – они друг друга нежно ненавидели. Со старухой я мало разговаривал. А вот у деда в ее адрес сформировался, пожалуй, один устоявшийся эпитет: «Эта старая манда...». Произносил он это с интонацией мультяшного Джона Сильвера³³ – веско, скабрёзно и довольно сочно. Почти хлюпало. Ну, вы понимаете, как, что. Получается, что водоворот его мыслей заворачивался вокруг одного и того же.

Эдакий вселенский ступичный подшиппник, в который внедрена ось мироздания. Какие, скажите на милость, черепахи со слонами!!!

Впрочем, иногда старикашка и что-то интересное рассказывал. Все же полковник от хирургии. Он был. Теперь уж, наверное. Привык я к нему и доработал до конца августа –

²⁹ Волк и теленок м\ф. 1984 г. реж. Михаил Каменецкий

³⁰ В Одессе так воробьев называли. Определение носит слегка антисемитский оттенок.

³¹ Гашек Ярослав «Похождения бравого солдата Швейка». Имеется в виду иронично-презрительное обращение на Вы к молодому и зря переживающему коллеге.

³² Большой палец смазанный ружейной смазкой вести вниз по позвоночнику до второго характерного щелчка...

³³ «Остров сокровищ» мультфильм, 1988. Режиссёр Давид Черкасский.

начала сентября. Лаврентий и Ожен свое обещание сдержали. Я перевелся на работу в госпиталь.

Госпиталь на Пироговской

Правильный одесский постсоветский август – это липкая жара и большие пешие переходы. Впрочем, переполненные троллейбусы тоже запоминаются.

С другой стороны, на пляже поводов для критики погоды было существенно меньше. Теплый серовато-желтый нечистый песок, не очень соленая (по сравнению со Средиземным и Красным морями) полупрозрачная бутылочно-зеленая вода, ленивый демпфированный волноломом прибой. В августе вода имела право не быть очень теплой, в отличие, например, от июля (в июле вода теплой быть обязана), но иногда удавалось поплавать и до начала сентября.

Мне нравится, когда про солнце говорят, что оно лимонадное – незлое, ласковое и в тоже время теплое. Бонфильоли³⁴ так описывал английское солнышко, ... я же могу только развить это сравнение тем, что в Одессе солнечный лимонад – бывает разным, от, по меньшей мере, сильногазированного, а иногда и с алкоголем, до невнятного домашнего.

Конец августа – начало сентября – иногда всего только неделя – это одесская стремительная сублимация бархатного сезона, который в средиземноморской Турции длится до ноября, а в Эйлате и всю зиму.

С этого момента моего повествования, уважаемые господа, я начинаю переходить на вымышленную, но эмоционально близкую по звучанию для читателя топонимику. Мне представляется, что несуществующие названия городов и улиц больше подходят для изложения последующих событий. Вместе с тем, чтобы создать впечатление некоторой среднерусской почвенности, я решил воспользоваться уже существующей в развлекательной литературе географической локацией «Мекленбург». Любимовские приключения Алекса Уилки, в моих глазах – это безусловный шедевр³⁵. И Мекленбург – оттуда.

Прелестное времечко. Прогулка пешком от площади Основного Закона до двенадцатой-тринадцатой станции БариллЕс ГрандЕс по Стиммосштрассе, минуя полотно чехословацкого гиперлупа тех времен, и далее по Лемберг-стрит приводит к довольно крутому склону, поросшему дикими степными маслинами, выгоревшей травой и низенькими кустиками зловредного чертополоха. Со склона открывается восхитительный морской пейзаж... Море – море. Вдалеке – корабли на рейде, видна линия волнолома с барашками дробящихся колебаний, заброшенные бетонные причалы – они же пирсы, они же траверзы. Их нынешнее предназначение – удобное место, с которого красиво ныряют в море шоколадные местные и приезжие гарсоны. А также зона рыболовецких утех для старшего поколения. Заключительный рывок – спуск по визуально ненадежной секционной бетонной лестнице³⁶ – и вот оно. Шаг невольно ускоряется и на песочке сандалики уже стряхиваются с лапок, для того чтобы вновь быть быстро надетыми. Это если песок избыточно горяч. А если нет, то можно идти, загребая лапками восхитительное тепло смеси песка и того, что обычно накапливается в пляжном песочке по всему миру. Где-то больше... Легкая лавировка между ковриками загорающих, узкая полоска плотного влажного песка и – можно пробовать ногой воду.

³⁴ Бонфильоли Кирил. Автор авантюрных романов о Мордекае. Или, в русском переводе, Маккабрее.

³⁵ «И ад следовал за ним...» Любимов М. П.

³⁶ Подниматься обратно по склону после отдыха на пляже – невыносимо утомительно.

И мне хотелось также. Но влекомый демонами перфекционизма, я нагружал себя работой, дежурствами, походами в библиотеку. Моя голова была занята постоянными размышлениями о своей жизненной эффективности, нацеленности на результат, самореализации, общественном признании, справедливости и честном зарабатывании денег. В общем, всей той чушью, которой часто бывает, забита голова стремительных вьюношей из полуобеспеченных интеллигентских семей. Это дополнялось повышенной чувствительностью к словам, критике, разрушительными самокопаниями и мучительными ментальными переигрываниями житейских ситуаций: «Он мне сказал – то-то, а я ему хотел сказать то-то...» Словом – кадет Биглер от медицины.³⁷

Такая манера поведения разительно отличалась от той, которая распространена среди многих городских мальчиков. Эти ребята неторопливы, пытаются быть вальяжными, немногословными и сосредоточены на очень земных, реальных задачах. У них пухлые щеки и полные сочные губы, миндалевидные или круглые карие глаза. Их очевидные бока контурируются под футболочками и откровенно нависают над брючками. Они откуда-то четко знают, что ночью нужно спать дома в своей кровати, а не дежурить по экстренной хирургии. И, тем более, не нужно носиться по спальным районам Пальмиры в раздолбанной карете скорой помощи в призрачной надежде оттопырить скудный гонорар. Они интуитивно понимают, что заведующего и профессора нужно слушать, а не загружать своими незрелыми рассуждениями. Что хорошая идея нуждается в постепенном обдумывании и поэтапной реализации. А фонтанировать и подгорать – это как-то не по-одесски. И уж конечно, мысль о возможности с кем-то открыто конфликтовать, страшно далека от их сознания. На самом деле, они и подежурить могут, но это будет самый необходимый минимум, от которого уже нельзя отказаться. Часто они веселы и остроумны, спокойно относятся к маленьким человеческим слабостям и себе их позволяют.

Постепенно на фоне общей малоконфликтной обстановки эти мальчики взрослеют, становятся заведующими, главными врачами и руководителями кафедр. К этому времени им приходится расстаться со своими чудесными темно-каштановыми локонами и получить взамен голый череп с пигментными и сосудистыми пятнами. Их щеки втягиваются, губы иезуитски тончают, глаза теряют маслянистую поволоку, взгляд перестает быть добродушным.

НО... итог этих ребят, оцененный на финальном посту житейского весового контроля, и это очевидно, во многом лучше, чем у их стремительных, взбудораженных и конфликтных сверстников. По целому ряду вопросов с их мнением ПРИНЯТО соглашаться. Почему-то мало у кого возникает эмоциональное желание спорить. Это мнение преподносится таким образом, что оно, если не становится руководством к действию, то, по крайней мере, уважается.

Зачастую их дети или внуки продолжают семейные традиции в такой же неочевидной и постепенной манере, смысл которой заключается в том, что жизненные цели обозначаются и достигаются постепенно, по мере их естественного и закономерного появления.

³⁷ И вновь незабвенный Гашек. Кадет Биглер – избыточно старательный персонаж романа «Похождения бравого солдата Швейка»

СМП

Это опыт бесценный. Но, многие вполне спокойно обходятся и без него. Подстанция. Авеню Спейсквин – на первом этаже детской амбулатории. Обнаруживается по скопленению «рогатых»³⁸. Тогда это были РАФы. Мрачный подъезд с ободранной дверью, вестибюль с кушеткой и окошко диспетчерской. Чуть дальше и направо – коридор, из которого на обе стороны – двери в казармы для врачей, фельдшеров, водил, кабинет старшего фельдшера и заведующего подстанцией. Тубзик. Довольно захезанный. Ну, и вход в диспетчерскую. Желтоватый свет слабосильных лампочек, запах курева. И лекарств. Казармы – это было впечатляюще – нары, сколоченные из досок с промятыми, засаленными матрасами в ковровых пополах – установлены без промежутков между. Проход был только в ногах. Получалось, что доктора (боже-б-же) лежали вповалку, как бомжи. Романтия. Причем для врача бригады №5 своей постоянной шконки не было. И мне приходилось дрыхать в коридоре на стуле.

У мамыли был изъят, и нежно почитываем справочник врача скорой медицинской помощи. Ограничений на рабский труд тогда особо не существовало, и я мог дежурить двое суток подряд. И я даже такое практиковал. Ну, интересно же. Пару раз подежурил с более опытными врачами и потом стал подменным на других бригадах. Бывало, что машина находилась в ремонте и тогда предлагали закрыть дежурство на других подстанциях... Ну, как машина – старый микроавтобус на лысой резине, По моим воспоминаниям, эффективно тормозило правое заднее колесо, и в гололед «рогатого» разворачивало поперек дороги. На перекрестках это бывало забавно. Хотя и страшно. Однажды в такой момент слишком интенсивно даванул на пассажирский тормоз и продавил полик. Чуть позже обычно работал на пятой бригаде. Но не регулярно. Кроме обычной выматывающей работы были прикольные чисто скоропомощные моменты о которых стоит рассказать.

Ну, например – фельдшерский обжим. Не секрет, что в условиях невыплат зарплат «скорая помощь» кормилась с рук дорогих пациентов. Даже термин был – «позолотите доктору ручку». Фельдшера – активно претендовали на участие в дележе добычи и если, по их мнению, дележ производился неправильно, то начинался обжим – это значит, что фельдшера устраивали мелкий саботаж – например, отказывались выполнять внутривенные инъекции – это, формально, врачебная манипуляция. Пытались вымогать бабло с больных самостоятельно и дерзко, плохо тащили носилки, писали кляузы руководству. У них была своя профессиональная этика и солидарность. Возможно, такая тактика могла бы возыметь эффект, но в моем случае она не сработала... Я прекрасно обходился без фельдшера, больше того, чуть позже он стал мешать. Трудновато, конечно, было транспортировать больных с водителем-санитаром – эти тоже не стремились поднимать тяжести. Пару раз на меня ворчала заведующая, но потом отстала т.к. капризные фельдшера с их вечными жалобами и самой ей надоели.

Еще был случай – не помню, как это случилось, но обнаружил в маленькой индивидуальной аптечке из своей врачебной укладки – разбитую ампулу наркотика... Мы тогда возили с собой промедол и морфилонг. Разбитой оказалась ампула с промедолом. Тогда уже с этим делом³⁹ были строгости (из-за медиков-шалунов), и пришлось бы мне проходить через всяческие процедуры административного очищения. Но кто-то предложил купить ампулу лекарства и я этим предложением воспользовался. – отбрыкался.

³⁸ В одной из повестей, (Великин Александр. Знаменитая повесть «Санитар») напечатанной в Мекленбургском толстом литературном журнале, так называются кареты «скорой помощи». Видимо из-за наличия на крыше двух фар с красными крестами.

³⁹ Речь идет об учете наркотических препаратов.

К моменту моего переезда из Пальмиры я проработал на СП уже девять месяцев и понял, что перестаю справляться... Во всяком случае, в сочетании с основной хирургической работой в госпитале. Трое суточных дежурств в неделю все-таки... Между тем, на вызовах я находил хирургическую патологию и организовывал лечение этих пациентов. На договорных условиях. Что означало – на сколько договорились, то и хорошо...

Прощай Пальмира

Руководить операционным отделением мне не нравилось. Вместо того, чтобы продолжать накапливать лечебный опыт я был вынужден заниматься вопросами материального снабжения. Например, был очевиден дефицит марли⁴⁰. Из-за нее мне постоянно приходилось конфликтовать с начальником аптеки. Под конец мы с ним вообще поругались. Операционные сестры все время капризничали. Делили дежурства, обязанности, и пр... я с юношеским энтузиазмом пытался их организовать. Хирургическая общественность за мной глумливо наблюдала. Иногда подзуживала, иногда дезинформировала. Я рефлексировал. И хотя были люди, которые меня поддерживали, видя мое искреннее желание сделать работу отделения более управляемой, в целом, эта деятельность вызывала у меня отвращение.

Но поприще организатора операционной работы имело и положительные моменты – я пребывал в ранге заведующего отделением, имел совместительство – врач-онколог, и мог немного заниматься лечебной деятельностью. Мне поручали лечение разных больных – я старался, получалось не все. В ответ на прямолинейную военную критику мне приходилось лишь досадовать на самого себя.

И, тем не менее, иногда удавалось быть по-настоящему полезным. В основной операционной с советских времен был установлен очень крутой операционный светильник – многорефлекторный, под хитрую лампочку. К тому моменту, когда я приступил к работе заведующим операционным отделением, из тридцати двух ламп перегорели двадцать шесть. На определенном этапе целых оставалось и вовсе четыре. В Малороссии таких лампочек на военных (да и на гражданских) базах снабжения не было. Ситуация со светом в экстренной операционной сложилась довольно патовая...

К этому времени я собрался в отпуск и поехал в Метрополию – в Зеев к родственникам жены. Меня снабдили сорока долларами – специально выписанная премия. В чемодан я сложил несколько бутылок коньяку. С долларами – почти сразу возникла проблема – при обмене купонов (местная валюта – на тот момент) у уличных менял, мне подсунули «куклу»⁴¹ и я остался без этих, существенных на тот момент денег. Пришлось занимать. Смешно, но в итоге доллары мне не понадобились. В Зеевской областной больнице и в областном предприятии медтехники за небольшое количество коньяку и рассказы о трудностях хирургов в братской республике мне дали – 30 нужных лампочек.

Пока ездил и гулял по осеннему Зееву, побывал на приеме у главного врача больницы скорой помощи – и он согласился принять меня на работу дежурным хирургом. Пообещал. Это была удача. Все складывалось хорошо. И я очень воодушевленный вернулся в Пальмиру.

Светильник – ожил. Экстренная операционная сияла. Но мой расчет на то, что добыча дефицитных лампочек поднимет мои акции, и позволит перейти на чисто лечебную должность не оправдался. Большую часть времени я продолжал заниматься организационной работой. И это мне совсем не нравилось. Дежурства в госпитале были относительно спокойными и не слишком интересными. И хотя азы экстренной хирургии и травматологии в госпитале усвоить мне удалось, я чувствовал, что желание воспользоваться предложением о работе в зеевской больнице скорой помощи, становится очевидно непреодолимым.

⁴⁰ Звучит дико, но бинты и салфетки после «чистых» операций отстирывали, стерилизовали и использовали вновь для «гнилых» операций и перевязок

⁴¹ Инструмент мошенничества – пачка нарезанной бумаги, изображающая пачку наличных денег. Настоящие купюры – только сверху и снизу.

Как-то легко оформилась внутренняя идея, что окружной госпиталь не совсем то место, где нужно начинать работать молодому хирургу. Усталость от беспросветной череды дежурств на «скорой», также сыграла свою роль. Постепенно убедив себя, в том, что нужны перемены – через некоторое время, я собрался и уехал в Зеев, где, как вы помните мне пообещали работу хирургом. Сказать, что я очень переживал по поводу расставания с Пальмирой, не могу. Тем более, что рассчитывал приезжать сюда – в этот замечательный город, для отдыха.

В Зееве, однако, меня ждал сюрприз. В больнице скорой помощи – главный врач, когда я к нему пришел – сделал круглые глаза и сказал, что он ни о чем не помнит. Должностей хирургов нет. Если – есть желание – можно идти работать в приемное отделение – терапевтом.

После обещаний о должности хирурга, вариант работы дежурным терапевтом в приемном отделении для меня был, по меньшей мере – оскорбительным. Не будучи искушенным в знании человеческой природы я смог все же сообразить, что этот шакал административных прерий явно приготовился насладиться унижением молодого врача и, (как потом выяснилось) не впервые. И это бы произошло, если бы я смирился и, понутив голову, согласился на терапевтическую работу. Также было понятно, что начни я упрекать его в вероломстве и скандалить, он бы счел это приятным развлечением во время скучного рабочего дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.